УДК 343.3
DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10040

ОХРАНА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

И. В. Пикин, Д. Л. Ильин, Д. Т. Гаджиев

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с уголовно-правовой регламентацией охраны жизни и здоровья сотрудников мест лишения свободы и мест содержания под стражей от преступных посягательств со стороны спецконтингента. Цель написания статьи заключалась в проведении анализа исторических источников об ответственности за посягательство на лиц, обеспечивающих изоляцию от общества в дореволюционный период. Для реализации указанной цели автором проведено исследование положений исторических документов, устанавливающих ответственность за посягательство на жизнь и здоровье лиц, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества, а также сотрудников мест содержания под стражей. В результате исследования сделаны выводы согласно котором, законодательство в области охраны лиц, в чьи обязанности входило исполнение уголовных наказаний была регламентирована нормами права, направленными на защиту их жизни и здоровья от преступных посягательств.

Ключевые слова: *Уголовно-правовая охрана, сотрудники мест лишения свободы, места лишения свободы, места содержания под стражей.*

Рассмотрение вопросов, связанных с уголовно-правовой охраной жизни и здоровья сотрудников мест лишения свободы и мест содержания под стражей, невозможно без исторического осмысления и анализа норм, предусматривающих ответственность за подобные посягательства.

В силу особого характера общественных отношений, возникающих в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний, а также вопросов, связанных с содержанием подозреваемых и обвиняемых под стражей, уголовно исполнительная система рассматривается как специфический объект уголовно-правовой охраны. Специфика объекта подтверждается ее правовым статусом, в основе которого лежат общегосударственные цели

Пикин Иван Викторович — к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России
Ильин Дмитрий Леонидович — старший преподаватель кафедры физической подготовки юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России
Гаджиев Джамидин Татжитдинович — старший преподаватель кафедры физической подготовки юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России

и задачи — исправление осужденных и недопущение совершения ими новых преступлений, что обеспечивает восстановление социальной справедливости.

Кроме того, специфический характер пенитенциарной системы проявляется в том, что сама система может быть подвергнута преступному посягательству, возникающему как со стороны спецконтингента, так и со стороны других лиц с целью воспрепятствовать законной деятельности администрации учреждения. В любом случае речь идет о подрыве нормальной деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и мест содержания под стражей, поэтому необходимо обеспечить защиту УИС посредством создания уголовно-правовых норм, а также условий для их эффективной реализации.

Вынесенный на наше рассмотрение институт предполагает рассмотрение различных этапов исторического становления институтов, направленных на охрану жизни и здоровья лиц, в чьи обязанности входит обеспечение исправительного воздействия на осужденных лиц, а также в отношении лиц, к которым применяются меры процессуального воздействия.

В истории российского права уголовная ответственность за посягательство на нормальную работу учреждений и должностных лиц, чья деятельность напрямую была связана с исполнением уголовных наказаний и обеспечением нормальной работы лиц, непосредственно задействованных в данном процессе, встречается лишь в советский период, при этом уголовно-правовая охрана жизни и здоровья сотрудников мест лишения свободы и содержания под стражей, а также членов их семей, берет свое начало гораздо раньше.

Опасность преступных деяний, посягающих на нормальное функционирование мест лишения свободы, содержания под стражей, исполнения наказания в виде ареста, заключается в том, что виновное лицо нарушает режим (установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания [7]), что может сопровождаться причинением вреда жизни и здоровью личности, а также вреда имущественным интересам государства.

Одним из первых источников в области регламентации ответственности за убийство лиц, обладающих признаками должностных лиц, стоит считать Русскую правду. Именно этот исторический документ закрепляет в своих нормах характеристику преступлений, посягающих на жизнь лиц, обладающих различными специфическими признаками [3, с. 37] (состоящих на различных государевых должностях). Крайне важно отметить, что ряд статей предусматривает ответственность непосредственно при отправлении такими лицами своих служебных обязанностей. При этом хотелось бы отметить, что прямого нормативно-правового регулирования и охраны от преступных посягательств в сфере обеспечения работы мест изоляции от общества данный сборник не содержал.

Дальнейшее развитие законодательства в сфере обеспечения нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, по нашему мнению, следует рассматривать Судебник 1550 г., который получил название Царского. Судебник

был утвержден во время реформ Ивана IV и служил правовой основой их проведения. Согласимся с мнением Н. А. Горшковой, которая отмечает в своей работе, что за «нарушение деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (уголовно-правовое исследование)» … «по Судебнику 1550 г. вводится новый вид наказания — тюремное заключение. При этом сам процесс его исполнения не регламентируется [5, с. 56]». И тут нам бы хотелось пояснить, что существование конкретного закрепления учреждений, где отбываются тюремные заключения, предполагает свод правил отбывания в нем, что в свою очередь можно отнести к регулированию отбывания наказания в виде лишения свободы [4, с. 46].

Прорыв в законодательстве совершило издание Соборного Уложения 1649 г., которое дало понятие таким будущим институтам уголовного права, как крайняя необходимость и необходимая оборона, а также было произведено деление убийств на умышленные и неосторожные [4, с. 60]. Соборное уложение также не содержало конкретных норм в области регулирования порядка отбывания наказания и норм ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. При этом мы можем предположить, что отсутствие единого управления тюремной системой в Русском государстве в XVII в. и единого органа, который ведал бы тюрьмами, предполагало регулирование нормальной деятельности данных учреждений принадлежностью к ведомству Стрелецкого, Земского, Разбойного и некоторых других приказов. И вышеуказанные институты напрямую относились и к лицам, осуществляющим надзор за осужденными.

На местах тюрьмами управляли воеводы и губные старосты. Соборное Уложение 1649 года (гл. XXI, ст. 101) следующим образом определяет обязанности губного старосты в деле управления тюрьмой: «В городех тюрьмы ведают Губные старосты, и Губным старостам доведется тюрьмы и тюремных сидельцев осматривати почасту, чтобы тюрьмы были крепки, и у тюремных бы сидельцов в тюрьмах ничего не было, чем им из тюрьмы вырезатися...». В самих тюрьмах администрация состояла из целовальников и сторожей. Их главной обязанностью было не допустить побегов заключенных. Наличие указанных обязанностей определяло нормальную работу тюрем.

Не зря документ именно этого исторического периода мы именовали «прорывом», поскольку историки считают его зарождением отрасли уголовного права в России (в частности, появления на свет раздела, регулирующего ответственность за преступления против государственной власти и порядка управления).

Артикул Воинский 1715 г. даёт понятие «сопротивление конвою». Конвой выполнял функции органа власти [3, с. 121] (конвойные были наделены по приказу конкретными обязанностями, вытекающими из закона, заключающиеся в конвоировании контингента заключенных лиц).

«Ежели осужденный будет противитца против того, который командирован будет его взять, а оного взять будет невозможно, тогда хотя осужденнаго иный и убьет, то за оное наказать не надлежит. Однакож сие для обыкновенных воров, а не чрезвычайных, яко бунтовщиков и изменников, которых убийством могут многие товарыщи покрыты быть [3, с. 122]».

Конкретика, а именно «убийство лиц при отправлении ими должностей», фигурировала в Своде законов Российской Империи 1833 г., который относил данный

состав к разряду умышленных преступлений. То есть под угрозу ставилась жизнь должностных лиц при исполнении ими своих должностных обязанностей. В круг потерпевших входили в том числе и лица, в чьи обязанности входило исполнение уголовных наказаний. Иерархия значимости объектов посягательства определяется Сводом законов в таком порядке: на первое место выдвинулись преступления против веры, государственные преступления были на втором месте, далее — преступления против «правительства», к которым можно отнести и преступления против порядка управления.

Вышеупомянутые преступления «против правительства» легли в основу конструкции раздела «преступления и проступки против порядка управления»

Однако спустя годы после принятия Свода законов и перед принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., данные составы не нашли более подробной регламентации, и они лишь совокупили ранее принятое во едино и имели силу только при соответствии их положений так называемому Полному собранию законов [2, с. 68–69].

Раздел четвертый — «Порядок управления» — характеризовал деяния, которые (на первый взгляд) защищали все интересы государства, которые были связаны с сохранением существующего строя державности (исполнение государевых повинностей, сохранение казенного имущества и обеспечение доходов казны [6, с. 218]). Как говорит С. Н. Викторовский, «в частности, к этому разделу относятся преступления против правосудия, а также препятствующие деятельности полицейских властей [1, с. 191]».

Хоть на тот момент и отсутствовали какие-либо нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на сотрудника места исполнения уголовного наказания, однако данный нормативный акт можно считать полезным в плане расширения составов посягательств на сотрудников полицейско-административного аппарата (представителей власти).

Не следует оставлять без рассмотрения и Уголовное Уложение 1903 г., которое в качестве квалифицирующего признака убийства было дополнено двумя дополнительными признаками — убийство священнослужителя во время службы и члена военного караула и караула, охраняющего императора. Мы понимаем, что прямой связи с посягательством на жизнь и здоровье лиц, исполнявших наказание, данный состав не предусматривал, однако мы видим стремление законодателя оградить лиц, обладавших определенными властными полномочиями, от преступных посягательств.

То есть мы наблюдаем законодательное закрепление норм об ответственности за посягательство на конкретную фигуру властных структур, но значительных изменений в связи с принятием данного нормативного правового акта не последовало. Чего не скажешь о регламентации уголовной ответственности за совершение побега или незаконного освобождения заключенного. Но и данные действия воплощали составы преступлений лишь в случае сопряжения их с уничтожением или повреждением тюремного имущества, либо же с применением насилия к стражникам (ст. 335–343 Уголовного Уложения 1903 г. [5, с. 418]).

С принятием данной нормы впервые был детализирован вопрос регламентации ответственности за применение насилия в отношении представителя власти — сотрудника места лишения свободы или содержания под стражей.

Что касается диспозиции, то объективная сторона охарактеризована такими терминами, как «насильственное освобождение», «смертоубийство», «употребление противу стражи насилия», «освобождение через насилие» и другие (ч. 1, 2 ст. 335, ч. 2 ст. 336, 337, 338).

Данный исторический источник непосредственно указал круг потерпевших преступного посягательства — надзиратели тюрьмы, сотрудники лагерей либо конвоиры, посягающим на которых субъектом был всегда именно заключенный. При этом местом совершения преступления могли быть все (на выбор) места лишения свободы: крепость, смирительный дом, арестантские роты гражданского ведомства, рабочие дома. Кроме названных мест законодатель ввел такое понятие, как кратковременный арест, который мог отбываться в различных местах (ст. 59, 60) [5, с. 314].

Уложение во многом регламентировало действия заключенных как субъектов преступления, а также самих сотрудников, не стоит и об этом забывать. Должностные преступления зародились еще со времен глубокой древности, в момент возникновения государства, хоть и были латентными.

В ч. 2 ст. 173 и ст. 174 главы 6 Уложения «О неповиновении власти» устанавливалась ответственность за действия по освобождению арестанта из-под стражи или места заключения (аналог современности — ст. 313 «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»), содействие побегу арестанта, если «освобождение учинено посредством насилия над личностью в отношении стражи» [5, с. 312].

Почему при наличии действий, посягающих на аппарат исполнения уголовных наказаний, на тот период времени не существовало отдельной статьи против дезорганизации? На наш взгляд, это связано, в первую очередь, с отсутствием реальных полномочий у ветви судебной власти. Можно даже сказать, что таковой не существовало на тот период времени, поскольку всю верховную власть (в том числе правосудие по особо важным делам государственным) сосредотачивал в себе князь, государь, а затем и император.

Предпринятая нами попытка рассмотрения вопросов охраны жизни и здоровья лиц, реализующих назначенное наказание, дает нам основания полагать, что памятники древней Руси проложили путь становлению ответственности за государственную преступность в области управленческих дел, связанных с исполнением уголовных наказаний. Как минимум, исторический период становления законодательства в области охраны лиц, в чьи обязанности входило исполнение уголовных наказаний, был регламентирован нормами права, направленными на защиту их жизни и здоровья от преступных посягательств. Все эти лица могли выступать в качестве потерпевших (священнослужитель, караульный, тюремный надзиратель), а в отдельных случаях рассматривались как субъекты таких преступлений.

Литература

1. Викторовский С.Н. Развитие русского права в XV–XVIII вв. — М.: 1995.

2. Высочайший манифест 31 января 1833 года № 3 «Об издании Свода Законов Российской Империи». Опубл.: 31 января 1833 года // Собрание второе, т. VIII (отделение первое). — С. 68–69.

3. Горшкова Н. А. Нарушение деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (уголовно-правовое исследование): монография / Под ред. А. И. Чучаева. — М.: Проспект, 2013.

4. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. — Л., 1986.

5. Отечественное законодательство XI–XX веков /Под общ. ред. д.ю.н., профессора О. И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1986.

6. Сергеевич В. А. Лекции и исследования по истории русского права. — М.: 1993.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. федер. закона от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ] // Собр. Законодательства Росийской Федерации. — 1996. — № 25, ст. 2954.

PROTECTION OF LIFE AND HEALTH OF EMPLOYEES OF PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY FROM CRIMINAL ATTACKS IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

I.V. Pikin, D.L. Ilyin, D.T. Gadzhiev
Vladimir law institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article deals with the problematic issues related to the criminal law regulation of the protection of life and health of employees of places of deprivation of liberty and places of detention from criminal attacks by the special contingent. The purpose of this article was to analyze historical sources of responsibility for the infringement of persons providing isolation from society in the pre-revolutionary period. To achieve this goal, the author conducted a study of the provisions of historical documents establishing responsibility for violations of the life and health of persons ensuring the isolation of convicts from society, as well as employees of places of detention. The study concluded that the legislation in the field of protection of persons whose duties included the execution of criminal penalties was regulated by the rules of law aimed at protecting their lives and health from criminal attacks.

Keywords*: Criminal law protection, employees of places of deprivation of liberty, places of deprivation of liberty.*